

СТЕНДАЛЬ

Любовный напиток

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Любовный напиток

«ФТМ»

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Любовный напиток / Стендаль (Мари-Анри Бейль) — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-19803-6

«В одну темную и дождливую ночь лета 182* года молодой лейтенант 96-го полка, стоявшего гарнизоном в Бордо, возвращался из кафе, где он только что проиграл все свои деньги. Он проклинал свою глупость, так как был беден. Молча шел он по одной из самых пустынных улиц Лормондского квартала, как вдруг услышал крики. Дверь одного дома с грохотом распахнулась, из нее выбежал человек и упал у его ног. Было до того темно, что лишь по шуму можно было судить о том, что происходило. Преследователи – разглядеть их было невозможно – остановились на пороге, очевидно, услышав шаги молодого офицера...»

ISBN 978-5-457-19803-6

© Стендаль (Мари-Анри Бейль)

© ФТМ

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Фредерик Стендаль

Любовный напиток

В одну темную и дождливую ночь лета 182* года молодой лейтенант 96-го полка, стоявшего гарнизоном в Бордо, возвращался из кафе, где он только что проиграл все свои деньги. Он проклинал свою глупость, так как был беден.

Молча шел он по одной из самых пустынных улиц Лормондского квартала, как вдруг услышал крики. Дверь одного дома с грохотом распахнулась, из нее выбежал человек и упал у его ног. Было до того темно, что лишь по шуму можно было судить о том, что происходило. Преследователи – разглядеть их было невозможно – остановились на пороге, очевидно, услышав шаги молодого офицера.

С минуту он прислушивался; люди тихо переговаривались между собой, но не подходили ближе. Как ни велико было отвращение, которое внушала Льевену эта сцена, он счел своим долгом поднять упавшего человека.

Он заметил, что человек этот был полураздет; несмотря на глубокий мрак – было около двух часов ночи, – ему показалось, что он видит длинные, распустившиеся волосы: значит, это была женщина. Такое открытие не доставило ему ни малейшего удовольствия.

Женщина, видимо, была в таком состоянии, что не могла идти без посторонней помощи. Чтобы не покинуть ее, Льевену пришлось вспомнить о долге, который предписывает нам человеколюбие.

Он представил себе досадную необходимость явиться на следующий день к полицейскому комиссару, шутки приятелей, сатирические описания этого случая в местных газетах. «Посажу ее у дверей какого-нибудь дома, – решил он, – позвоню и сейчас же уйду».

Льевен уже собирался привести свое намерение в исполнение, как вдруг женщина с жалобным стоном прошептала что-то по-испански. Он совершенно не знал испанского языка. Быть может, именно поэтому два самых обыкновенных слова, произнесенных Леонорой, настроили его на романтический лад. Он уже не думал ни о полицейском комиссаре, ни о проститутке, побитой пьяницами; воображение навяло ему грезы о любви и необыкновенных приключениях.

Льевен поднял женщину и попытался успокоить ее. «А что, если она некрасива?» – подумал он внезапно. Эта мысль вернула ему благоразумие и заставила забыть о любовных мечтах.

Льевен хотел усадить женщину на пороге какой-то двери, но она не согласилась.

– Идемте дальше, – сказала она по-французски с сильным иностранным акцентом.

– Вы боитесь вашего мужа? – спросил Льевен.

– Увы! Я бросила мужа, хотя это был достойнейший человек и обожал меня, и ушла к любовнику, а тот выгнал меня с бесчеловечной жестокостью.

Услышав эту фразу, Льевен забыл о полицейском комиссаре и о неприятностях, которые могло повлечь за собой ночное приключение.

– Меня обокрали, – сказала Леонора спустя несколько минут, – но, как я вижу, у меня еще осталось кольцо с небольшим бриллиантом. Быть может, хозяин какой-нибудь гостиницы согласится меня приютить. Но, сударь, я стану всеобщим посмешищем, потому что, должна вам признаться, я в одной рубашке. Мне надо бежать, не то я бросилась бы к вашим ногам и стала бы умолять вас сжалиться надо мной и проводить до дверей первого попавшегося дома, где я могла бы купить простое платье у какой-нибудь бедной женщины... Когда я буду одета, – добавила она, ободренная молчанием молодого офицера, – вы сможете довести меня до первой попавшейся гостиницы. Там я перестану вызывать к помощи великодушного человека и попрошу вас оставить несчастную женщину на произвол судьбы.

Все это, сказанное, на скверном французском языке, произвело на Льевена благоприятное впечатление.

– Сударыня, – ответил он, – я сделаю все, что вы мне прикажете. Однако сейчас самое существенное как для вас, так и для меня заключается в том, чтобы нас не арестовали. Мое имя – Льевен, я лейтенант 96-го полка, если мы повстречаемся с патрулем не моего полка, нас отведут на гауптвахту, где нам придется провести ночь, а завтра, сударыня, мы станем посмешищем всего Бордо.

Льевен почувствовал, как вздрогнула Леонора, опиравшаяся на его руку. «Эта боязнь скандала – хороший признак», – подумал он.

– Будьте добры накинуть мой сюртук, – сказал он даме, – я отведу вас к себе.

– О боже! Сударь!..

– Я не зажгу огня, клянусь вам честью. Моя комната будет в полном вашем распоряжении, я уйду и приду снова не раньше завтрашнего утра. Но утром мне непременно придется прийти, так как в шесть часов обычно является мой сержант, а он будет стучать до тех пор, пока ему не отопрут... Вы имеете дело с порядочным человеком.

«Но красива ли она?» – спрашивал себя Льевен.

Он отворил входную дверь своего дома. Незнакомка чуть не упала на площадке, запнувшись о первую ступеньку лестницы. Льевен разговаривал с ней шепотом; она отвечала так же.

– Какое безобразие! Приводить в мой дом женщин! – пронзительным голосом крикнула довольно хорошенькая трактирщица, которая вышла отворить дверь с маленькой лампой в руке.

Льевен быстро повернулся к знакомке, увидел прелестное лицо и задул лампу хозяйки.

– Замолчите, госпожа Сосэд, или я выведу от вас завтра же утром! Вы получите десять франков, если никому ничего не скажете. Эта дама – жена полковника, и я сейчас же снова уйду отсюда.

Льевен поднялся на четвертый этаж. Открывая дверь своей комнаты, он дрожал.

– Входите, сударыня, – сказал он женщине в рубашке. – Около стенных часов лежит фосфорное огниво. Зажгите свечу, затопите камин и запируйтесь. Я уважаю вас, как сестру, и не приду до утра; я принесу платье.

– Jesus Maria!¹ – вскричала прекрасная испанка.

Когда на следующее утро Льевен стучался в дверь, он был влюблен до безумия. Чтобы не разбудить знакомку слишком рано, он долго и терпеливо ждал своего сержанта у дверей, а бумаги подписывал в кафе.

Он успел снять комнату по соседству и теперь принес знакомке платье и даже маску.

– Так что, сударыня, если вы этого потребуете, я не увижу вашего лица, – сказал он, стоя за дверью.

Мысль о маске понравилась молодой испанке и немного отвлекла ее от горестных размышлений.

– Вы так великодушны, – сказала она, не отворяя, – что я беру на себя смелость попросить вас оставить сверток с платьем за дверью. Когда я услышу, что вы спускаетесь по лестнице, я его возьму.

– Прощайте, сударыня, – сказал Льевен, уходя.

Леонора была настолько очарована его покорностью, что сказала ему дружески и почти нежно:

– Если сможете, сударь, приходите через полчаса.

¹ Иисусе Мария! (исп.)

Вернувшись, Льевен нашел Леонору в маске; но он увидел прелестные плечи, шею, руки. Он был восхищен.

Льевен был молодой человек из хорошей семьи, и ему приходилось еще делать над собой усилие, чтобы быть смелым в обращении с женщинами, которые ему нравились. Тон его был так почтителен, он так мило и радушно принимал гостью в своей маленькой, бедной комнатке, что его ждала награда. Приладив какую-то ширму и обернувшись, он замер в восхищении: перед ним стояла прекраснейшая женщина, какую ему когда-либо приходилось видеть. Молодая испанка сняла маску; ее черные глаза, казалось, говорили. Быть может, в условиях обыденной жизни они показались бы суровыми из-за выражавшейся в них силы характера. Отчаяние придало им некоторую мягкость, и можно сказать, что красота Леоноры была совершенна. По мнению Льевена, ей было от восемнадцати до двадцати лет. Наступила минута молчания. Несмотря на свою глубокую скорбь, Леонора не могла не испытать удовольствия, заметив восхищение молодого офицера, видимо, принадлежавшего к лучшему обществу.

— Вы мой благодетель, — сказала она ему наконец, — и я надеюсь, что, несмотря на мою и вашу молодость, вы будете продолжать вести себя как должно.

Льевен ответил так, как только мог ответить самый пылкий влюбленный, но он достаточно владел собой, чтобы отказаться от счастья признаться ей в своей любви. К тому же в глазах Леоноры было нечто, внушавшее такое уважение, и вся ее внешность, несмотря на убогое платье, которое она надела, была настолько благородна, что это придало ему силы быть благоразумным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.